

Константин Станюкович

Беглец

Константин Михайлович Станюкович
Беглец

Серия ««Морские рассказы»»

Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165644

*К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1.: Правда;
Москва; 1977*

Содержание

I	4
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Константин Михайлович Станюкович БЕГЛЕЦ

I

Чуть-чуть покачиваясь на затихавшей зыби и вздрагивая от быстрого хода, подходил наш клипер к берегам Калифорнии.

Было прелестное сентябрьское утро. Солнце уже высоко поднялось на ярко-голубом небе, подернутом белоснежным кружевом убегающих перистых облачков, и заливало палубу ярким блеском. От присмирившего океана веяло свежестью и прохладой. Дышалось полною грудью.

Обрывистые красные берега, окутанные по верхам золотистой дымкой тумана, уж отчетливо видны простым глазом. Вдали, на высоком холме, у входа в бухту, белеется башня маяка. Все чаще и чаще попадаются навстречу суда, и малютка-пароходик, с ярким флагом на мачте, поднимаясь с волны на волну, несется к клиперу. Это – лоцман, и с ним, конечно, пачка последних американских газет.

Все вышли наверх из душных кают, и палуба забелела множеством матросских чистых рубаш. Все празднично на-

строены. Все просветлели, охваченные радостным ожиданием «берега».

После тридцатидневного бурного перехода с постоянной качкой, тревожными вахтами со шквалами, дождем и нередкими окриками боцмана среди ночи: «Пошел все наверх третий риф брать!», – после прискучивших консервов за обедом и однообразных разговоров в кают-компании, надоевших всем, как и физиономии друг друга, после скучных стоянок в китайских портах, – эта «жемчужина Тихого океана», как называют янки Сан-Франциско, сулила немало удовольствий. Всем хочется поскорей увидеть этот диковинный город, выросший со сказочной быстротой, и среди молодых офицеров уже идут оживленные толки о съезде на берег.

И на баке – этом матросском клубе, где устанавливаются репутации и обсуждаются все выдающиеся явления судовой жизни, – вокруг кадки с водой для курильщиков (в другом месте курить матросам нельзя) собралась толпа. И там разговоры, разумеется, о «береге».

Общий любимец, добродушный, веселый и смелый до отчаянности марсовой Якушкин, которого все почему-то зовут Якушкой, хотя Якушке уж под сорок лет, – передает свои впечатления о Сан-Франциско, где он был три года тому назад, когда в первый раз ходил в кругосветное плавание.

По словам Якушки, город веселый, народ бойкий и живет вольно, кабаков много, и водка хорошая – виска по-ихнему; табак – дрянь против нашего, зато шерстяные рубахи можно

похвалить: носки и дешевы.

– А насчет чего другого-прочего, братцы, так дорого...

Он ухарски подмигнул бойким черным глазом из-под темных взъерошенных бровей, придававших его смуглому, широкому, скуластому лицу с шапкой на затылке забубенный вид заправского лихого матроса, прижал корявым, почерневшим от смолы пальцем огонь в своей трубочке, цыкнул по-матросски в кадку и, расставив свои короткие, крепкие босые ноги фертом, не торопясь, прибавил:

– Зато и форсисты шельмы, я вам скажу!

– Ну?! – раздалось из толпы.

Очевидно, довольный произведенным эффектом, Якушка продолжал:

– Но только пьяного, братцы, не пушают... ни боже мой! А ежели ты пришел пьяный, тебя сейчас мамзель честью по заправку... И не пикни! Потому у их бабам уважение. Какая ни есть, а уважать!

В толпе смеются. На многих лицах недоверие, и кто-то иронически замечает:

– Чудно что-то, Якушка!

– Чудно и есть, а только я верно вам говорю – бабу обидеть не смей!

Молодой белобрысый матросик с большими добрыми голубыми глазами, не успевший еще потерять на службе своей деревенской складки, все время необыкновенно внимательно слушавший Якушку, вдруг спросил, застенчиво улыбаясь:

– А какой державы, Якушка, народ?

– Американской, паря, державы.

И хотя этот ответ ровно ничего не объяснил молодому матросу, тем не менее он кивнул головой с видом удовлетворения, затянулся окурком и, бросая его в кадку, заметил в форме вопроса:

– Тоже, значит, у их свой король есть?

– То-то вот, братцы, нету! – отвечал Якушка, обращаясь ко всем, таким тоном, словно бы он извинялся за американцев. – Оголтелый народ! – неожиданно прибавил он, как бы вдруг сам проникаясь странностью сообщенного факта.

– Нечего сказать, народ! – заметил кто-то в толпе.

– Однако тоже и у них есть свое начальство. Выберут промеж себя какого-нибудь сапожника, вроде будто начальника, вот тебе и вся недолга!

– Без начальства шалишь, брат! – раздался чей-то голос.

– А живут, надо правду говорить, хорошо. Хо-ро-шо, братцы, живут! – продолжал Якушка. – Взять к примеру: простая мастеровщина, а харч у него завсегда мясной, и виску трескает, и хлеб пшеничный... И насчет одежды чистый народ! Это шляпу на затылок надел, сам в пинджаке и щиблетках, курит себе сигарку и поплевывает. Думаешь: господин какой, а он всего-навсего – рабочий человек!.. Да у их и не узнать: кто из господ, кто из простых...

– Ишь ты! Видно, житье? – дивуются матросы.

– Житье и есть! Земли много у них – земля вольная. И

опять же: копают золото. Копай кто хочет, заказу нет. Раздобыл – твое счастье... Вольная сторона! В эти места, сказывают, со всего свету народ бежит.

– Который человек ежели бога забыл, тот и бежит! – проговорил строгим внушительным тоном старик плотник Захаров. – Правильный человек не побежит... Ты живи, где тебе назначено... На своей стороне живи... вот что!

– Да и пропадешь у этих идолов! Ни он тебя не поймет, ни ты его! – вставил другой матрос. – Недаром говорится: «На чужбинке словно в домовинке!»

– И как это бросить свою сторону да в этакую даль! – раздумчиво промолвил белобрысый матросик. – Небойсь, наш российский сюда не побежит?

– Бога еще помнят наши-то! – опять строго произнес плотник.

– Однако один и наш сбежал, когда мы во Францисках стояли! – значительно проговорил Якушка.

– Наш?!

– Наш и есть... Поди ж ты!

В эту минуту подходил лоцманский пароходик, и все обратили на него внимание.

Клипер приостановил ход. Пароходик подлетел к борту, приняв на ходу брошенный с клипера «конец», и, ссадив лоцмана, пошел прочь. Поднявшись по трапу, на палубу выскочил высокий сухощавый янки в черном сюртуке и высоком цилиндре, кивнул головой, проговорив приветствие, и

поднялся на мостик. Там он поздоровался, первый протягивая руку, со стоявшими офицерами, отдал пачку газет, радостно сообщил, что на днях вздули южан (дело было во время междуусобной войны ¹), и, заложив руки назад, зашагал по мостику.

Клипер снова пошел полным ходом.

– Ишь ведь мужлан! – сердито проговорил старый плотник, видимо недовольный американцем за его слишком свободное обращение с капитаном. – А еще образованные люди.

И многие среди матросов были, по-видимому, шокированы, хотя и ничего не сказали.

– Так как же наш-то сбежал? Сказывай, Якушка! – нетерпеливо спросил кто-то.

Якушка оглянулся. Я стоял подле. Но присутствие юного гардемарина не смутило матроса. Он, не спеша, выбил золу из трубки, сунул ее в штаны, обвел взглядом теснее сдвинувшийся кружок и начал.

¹ ...дело было во время междуусобной войны... – Имеется в виду гражданская война в США 1861–1865 гг.

II

– Был, братцы вы мои, у нашего, у первого лейтенанта Прокудинова взят с собой из России крепостной лакей. Максимкой звали. Паренек молодой и, ничего себе, башковатый, но только, надо правду сказать, много он от своего барина понапрасну бою принял.

– Сердит барин был?

– Как есть, цепная собака! Чуть что не по нем или ежели какая неисправка, сейчас лезет в морду и норовит, чтобы до крови... И вовсе не жалел нашего брата – лют это был на порку. У нас тогда, братцы, не то что теперь, при нашем «голубе» ², шкуры матросской не жалели! Ребята так и звали Прокудинова Мордобоем... Мордобой и был! Многие из господ, которые пожалостливей, бывало, довольно даже срамили его за зверство... да ничего не брало – сердцем был зол Мордобой! Другой, хоша и ударит тебя, так с пылу, а этот дьявол всегда дрался от злого сердца, с мучительством...

– Да... Есть такие... У нас вот был тоже один, так все перстнем тыкал в зубы... Много их повышиб! – авторитетно вставил один коренастый пожилой матрос.

– Ну, и часто-таки попадало Максимке в кису, потому

² Так звали матросы капитана за его человеческое отношение к матросам. Еще задолго до официального уничтожения телесных наказаний, линьки и розги были изгнаны из употребления на клипере. (Прим. автора.)

Максимка молчит, молчит, как покорный слуга, да вдруг и дерзничает. А уж тогда только держись! Сейчас это Максимку на бак и прикажет всыпать... Максимка воем воет, а Мордобой линьки считает про себя да приговаривает; «Жарь его, подлеца!» И раз, я вам скажу, здорово Максимке всыпали – очень уж он согрубил, и вовсе заскучил с той поры Максимка. Пришел это он вечером ко мне, смотрит на море и плачет, как дите малое, слезами. «Решусь, говорит, лучше жизни... Окиян, говорит, глыбок!» Известно, парнишко молодой, двадцати годов еще не было! А до того жил он у портного-немца в обучение, и был этот немец, сказывал Максимка, жалостливый и справедливый немец. Максимке, значит, и терпко после хорошей жизни да к Мордобой! Ну, я всячески обнадеживаю человека: потерпи, мол, Максимка, скоро, говорю, выйдет вам вольная воля – уж тогда про волю слух прошел, – а пока знай себе молчи и не дерзничай... Что, мол, с этим зверем связываться! И пустяков не ври, говорю. Решиться жизни – большой грех. Бог дал, бог и возьмет ее, когда захочет! Мы, мол, не хуже тебя, а тоже терпим. Слушал это он, утер слезы, да и говорит, «Я, говорит, потерплю, но только долго, говорит, терпеть, Якушка, не согласен. Силушки моей на то, говорит, нет!» Хорошо. Ходили, мы таким родом, братцы, по разным местам и пришли это во Франциски. Вскорости после того побывал Максимка на берегу, и как вернулся – диковина: совсем быдто другой стал Максимка – веселый такой. Пришел он на бак, у самого под глазом си-

няк – Мордобой вечор съездил, – а Максимка куражится. – Что, Максимка, смеются ребята, никак твой Мордобой доллар тебе на гулянку дал? «Даст, дьявол, жди!», а сам скалит зубы... В те поры мне и невдомек, что он выдумал.

Якушка помолчал, затаил наскоро, взяв у соседа трубку, сплюнул и продолжал:

– Ладно. Простояли мы этак ден пять, вытянули ванты, выкрасились и, как справились, отпустили нашу вахту на берег. Отпросился у своего Мордобоя и Максимка. Обрядился в новый пинджак, как следует – любил он форснуть – на баркас. Сел около меня, а сам глядит на «конверт»³ и будто глаз отвести не может. «Что, говорю, буркалы уставил? Конверта, что ли, не видал?» Смеется. Отвалили от борта, а Максимка шляпу снял и кланяется. «Кому ты, дурак?» – «А всем, говорит, землякам родимым». Куражится, думаю, парень. Рад, что на берег урвался. А он и взаправду тогда прощался!.. Хорошо. Пристали мы к пристани. Ребята разбрелись по салунам – это у них вроде как кабаки наши, только почище будут наших, – тут же по близности, а я с двумя товарищами собрался перво-наперво в лавки – покупать рубахи. Максимка увязался с нами. И только чудной он был какой-то в тот день! Идем это мы по улицам, глаза пялим, а он вдруг об России вспоминает, про деревню, как при матери рос, какая у него мать была... совсем не к месту разговор... Купили мы себе рубахи, пошлялись малость по городу и пошли назад к

³ Вместо «корвет» матросы всегда говорят «конверт». (Прим. автора.)

пристани и зашли в салун, где наши собрались. Народу пропасть! Шумят, гуляют, значит, матросики! Ну, сейчас это мы потребовали виски этой самой, сели за столик, сидим, пьем и рыбкой сладкой закусываем, слушаем, как наши песни поют, а Максимка ничего в рот не берет. «Не хочу», говорит. Сидит и все только на двери поглядывает. Только спросил, когда на конверт велено ворочаться? «К восьми», говорю. Прошло этак с час времени. Отошел я к ребятам, вернулся, а уж Максимки нет. «Где Максимка?» Товарищи не знают. Кто-то говорит, «Верно, Максимка с ребятами к мамзелям ушел». Ну, ладно. Выпили мы еще бутылку и тоже пошли мамзелей здешних смотреть... Хороши, шельмы!

Якушка усмехнулся, повел глазом и продолжал:

– К вечеру повалили на пристань... По дороге еще выпили. Идем это человек пять... Я иду, маленько поотставши, и вдруг слышу, кто-то тихо окликает: «Якушка!» Гляжу, а сбoku, в узком таком проулочке, у фонаря стоит Максимка. Я к нему, и хоть был я, братцы, здорово треснувши, а вижу, что с Максимкой что-то неладное: с лица побелел, весь ровно дрожит, а только все зубы скалит – себя куражит. «Ты что тут делаешь, Максимка? Валим, говорю, на баркас. Опоздаешь – Мордобой не погладит, небойсь!» – «Тише, говорит, Якушка... Я, говорит, давно поджидаю тебя, хочу проститься, потому ты добер был. Давече я побоялся при других открыться, а теперь откроюсь: на баркас я не пойду и на конверт меня больше не ждите!» Весь хмель выскочил у меня из голо-

вы. «Ополоумел ты, что ли, Максимка. Идем скорей, глупая голова!» А он свое: «Не пойду, довольно, говорит, терпеть, я здесь останусь!» Тут я давай его уговаривать: «Опомнись, Максимка! Что выдумал? Пропадешь, говорю, как собака, на чужой стороне!» – «Не уговаривай, говорит, Якушка. Уж я, говорит, сговорился здесь с одним поляком... Я, говорит, не пропаду, а вольным человеком стану, буду по портной своей части. И есть, говорит, у меня прикопленных сорок долларов, что за починку от господ насбирал. Нарочно, говорит, для такого случая копил. А затем прощай, говорит, голубчик... догоняй своих и не поминай лихом!..» И не успел я, братцы, Максимку силком удержать, как он фукнул в проулок, и след его простыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.